

Уильям

БЕРРОУЗ

18+

ПРИСТАНЬ
СВЯТЫХ

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Уильям Берроуз

Пристань святых

«АСТ»

1973

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Берроуз У. С.

Пристань святых / У. С. Берроуз — «АСТ», 1973 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-107216-2

Последняя книга, написанная великим Берроузом во время его пребывания в Лондоне. Одна из жемчужин его творческого наследия – и, возможно, самая интеллектуальная из его поздних работ. Странная, причудливая история человека не просто расширяющего границы сознания, но и исследующего психологические и подсознательные глубины своего внутреннего «я». Психоделическое путешествие героя постепенно превращается в подлинную одиссею по темным закоулкам времени и пространства, искусства, философии и сексуальности. «Пристань святых» называли и «постмодернистским опытом автобиографии», и «путеводителем по Дантову аду человеческой психики», – но никакие определения не могут в полной мере передать всю глубину этой книги.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107216-2

© Берроуз У. С., 1973

© АСТ, 1973

Содержание

Пристань святых	6
Numero uno[1]	11
Я работал на железной дороге. Каждый день длиною в жизнь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Уильям Берроуз Пристань святых

William S. Burroughs
PORT OF SAINTS

Перевод с английского С. Минкина

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© William S. Burroughs, 1973

© Перевод. С. Минкин, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пристань святых

Когда мистер Вильсон, американский консул, прибыл в свой офис, он обнаружил у секретарского стола молодого человека. Хорошо бы, подумал мистер Вильсон, чтобы со всеми проблемами этого молодого человека смог справиться вице-консул, мистер Картер.

Молодой человек у стола пожелал ему доброго утра и протянул клочок бумаги. Консул слегка нахмурился, бросил взгляд на молодого человека, ответившего ему таким же пристальным взглядом, и проследовал вверх по лестнице в свой кабинет, так и не прочитав записку. Был понедельник, и рабочий стол ломился от корреспонденции.

Консул развернул записку. Зазвонил телефон. Запрос из Британского консульства... «Да, э-э... я не совсем понимаю что... гм... да... нет, не по туристической визе...» Он глянул на записку... Имя – Дж. Келли... «Нет, по визе длительного пребывания». Цель визита: «Установление личности»... Что, черт возьми, это может значить? О боже, только не утрата паспорта... «Да, конечно, я всегда рад вашим звонкам». Он повесил трубку и нажал на кнопку. «Пусть мистер Келли войдет».

Харбор-Бич, среда, 2–4 марта 1970 г.

Было утро в конце мая, кажется, 26-е, холодный ясный день, ветер дул с озера. Я отправился к железнодорожному мосту порыбачить в глубокой заводи под ним. Было слишком холодно, чтобы сидеть неподвижно на одном месте, мне быстро надоело рыбачить, я намотал леску на катушку, завернул в клеенку и положил в карман штанов. И тут почувствовал, что за спиной у меня кто-то есть, и обернулся. И правда, за спиной стоял мальчишка примерно моего возраста. Я узнал в нем одного из тех, что приезжают сюда летом, но обычно они появлялись не раньше конца июня. У мальчишки был мечтательный отсутствующий взгляд, как будто он сошел с картины... «Железнодорожный мост в субботу»...

Из мужского яичка вылупилось черное дитя. По имени Джон... большое озеро порывы ветра мы пришли в долину... темный овраг... далекое^ бледно-голубое лето... Знаете, кто я такой? (Нрзрб.) собирая пыль с цветов на растениях что стоят на подоконнике и плодов повсюду вздымается рубашка чернильного цвета... было зло печальное как вянущие цветы... мертвая рыба плывущий мальчик гнездо аиста окно сельского домика то что обязательно случится белый писсуар портовый колокол...

В порту на закате, ясном и безоблачном, стоял жуткий холод. Когда Джон взошел на «Марию Селесту», свежий ветер, дувший с берега, немного утих. Джон записался в команду третьим помощником.

– Да, мистер... – Консул взглянул на листок бумаги, хотя он, конечно, уже запомнил имя. – Мистер... э-э... Келли... чем я могу быть вам полезен?

У молодого человека, сидевшего перед ним, были загорелое лицо и очень светлые серые глаза. Моряк с торгового судна, решил консул, и с его лица исчезли малейшие следы душевной теплоты. Потерял деньги и паспорт в борделе.

– Насколько я понимаю, это вы хотели меня видеть.

– Я...

Консул был растерян. Он вспомнил что-то о паспорте, оставленном в залог уплаты по счету... Шла ли там речь о паспорте на имя Келли? Он поискал клочок бумаги в корзине для писем. А, вот он... Паспорт гражданина США № 32, оставленный в залог... Отель «Мадрид»... Теперь консул был уже по-настоящему зол.

– Позвольте взглянуть на ваш паспорт?

К его изумлению, молодой человек в то же мгновение протянул ему паспорт, который явно давно держал в руках. Консул стал листать его. Перед ним был паспорт моряка № 18...

– Гм, эти даты здесь... дата рождения – 1944. Сан-Франциско...

Консул поднял глаза на своего гостя.

– Привет... Я наблюдал затем, как ты ловишь рыбу. Я знал, что ты ничего не поймает. Ведь сегодня очень холодно.

– Рыбу ловят даже зимой из-под льда.

– О, зимой совсем другое дело... но не в такой же холодный весенний день, да еще с ветром.

– Наверное, ты прав. Мне просто было нечего делать.

– А тебе и не нужно ничего делать. Как только ты это поймешь, у тебя сразу же появится масса дел. Иногда даже больше, чем ты сможешь справиться...

Мы разделись, и у меня во рту появился металлический привкус. Пальцы ног покалывало. Рядом стоял тот мальчишка... он поднимает палец тремя резкими движениями и вместе с ним встает его член, в грязно-желтом свете поблескивают волосы на лобке, тени бормочут похотливые слова...

– Конечно, наверно, если ты сможешь подняться туда, воздух разрежен... ты понимаешь, бледный конь, бледный всадник...

– Голубые индейцы из Северной Каролины приветствуют тебя с умирающего Запада...

Трое молодых людей, обильная голубая плоть уже с намеком на распад... пороховой дым на лице пороховой дым и каштановые волосы детство Берроуза хватающегося за умирающего брата сожженного взорвавшейся звездой стрельба от бедра светящаяся голова в рамке из влажных листьев лиловые сумерки под налетающими стервятниками его кашель у меня за спиной худое тело шупающее выступающие кости... Он был влюблен в булыжные мостовые и в мирный призрак ребенка на них и в тот парк, по которому можно было бродить... О, Одри удовольствовался бы там случайным мексиканским двойником, его книги в полдень для прощания. Показал мне зашифрованный дневник с записью о том запоздалом утре. Давным-давно он смотрел на что-то.

Он смотрел на Джона, на его губах – засохшая кровь... улыбался, слизывая кровь с последними лучами заходящего солнца его лицо сияло, как комета и постепенно тускнело по мере того, как солнце опускалось за облако над Галифаксом... (вовремя галифакского взрыва 1910 г.).

– Произошла ошибка. Мне нужен был совсем другой Келли.

Молодой человек кивнул.

– Я знаю. Мой брат.

– Значит, вы все знали? Почему же вы пришли вместо своего брата?

– Мой брат Джо Келли мертв.

– Мертв? Когда это случилось? Почему не информировано консульство?

– Он погиб пять лет назад.

Консул, гордившийся своей невозмутимостью, внимательно рассматривал листок бумаги, вспомнив, что получил его накануне ухода из офиса в пятницу в полдень.

– Ну что ж, мистер Келли, здесь явно произошла какая-то ошибка. В конце концов, ваше имя не столь уж и редкое. А кстати, почему вы все-таки думаете, что в извещении имеется в виду ваш брат?

– А в извещении есть дата?

– Пойдем в дом, выпьем чаю с пирогом.

Мы шли по направлению к железной дороге, ветер дул нам в лицо.

– Пусть ветер продует тебя насквозь.

Я почувствовал странную легкость в ногах, как будто мое тело готово было подняться в воздух. В то же самое время я ощутил и какое-то давление в паху, нарастающее напряжение. Он остановил меня, взяв за руку, и повернул лицом к себе, глядя вниз на то место, где мои штаны вдруг оттопырились.

– О, Кики...

Запах молодых ночей запах сухих парков открывает свой анус восход солнца утро в Сент-Луисе одной ногой в шерстяном носке воспоминания плоти на далеком расстоянии пришел в туалет... валуны цветы протянулись до самого неба на рыбе уходил в небеса годы-годы назад дайте мне рассказать о мхе и деревьях серый мертвый свет два лица вода и лягушки непонятная вещь под водой та рука затянувшийся шрам звездная пыль в воздухе я убежал с прерванного фильма после этого начался холод словно мертвые листья сквозь сон плывут то как вещи подходят друг другу штаны откидывается назад и жует арахис стоит надо мной обнаженный электрическая тишина и запах члена я кончаю в серебряных вспышках так давно далеко...

Ночная тень падает на лицо мальчика, на оснастку судна и на кружащих чаек. Джон чувствует пронизывающий холод пустого пространства. Лицо мальчика покрывает белая корка инея, в взлохмаченных волосах сверкают льдинки, голос звучит призрачно и жутко в собирающихся сумерках...

– Дата? Оно поступило в офис в пятницу в полдень.

– Да, но есть ли на нем дата?

Консул взглянул на листок бумаги. Дата размазана, разобрать ее невозможно. Консул вынужден признать, что извещение какое-то странное. Будто копия отпечатанного на машинке документа, найденная где-нибудь на чердаке среди хлама. Сказано, что в отеле «Мадрид» находится паспорт, выданный на имя некоего Джо Келли, родившегося 6 февраля 1944 г. в Сан-Франциско, штат Калифорния. Отелем названный паспорт удерживается в качестве залога за неуплату счета (сумма не уточняется). Подпись менеджера Дж. П. Борджурли. Консул поморщился и снял телефонную трубку.

Я шел за ним по шпалам, ветер бил мне в лицо.

– Вон там. – Он показал куда-то в поле.

Мы съехали по крутому склону, усыпанному гравием, и пошли по полю по направлению к деревянному забору с калиткой. Это был обычный летний бревенчатый домик, крытый гонтом. Через заднюю дверь мы вошли на кухню, в которой стояли деревянный стол и керосинка. Он зажег ее и в голубом кофейнике сварил кофе, который затем разлил в две белые чашки. Поставил на стол банку с печеньем. Тишину на кухне нарушал только хруст печенья у нас во рту.

– Я покажу тебе свою мастерскую.

То, что должно случиться... то как вещи подходят друг другу открывает задницу восход солнца Сент-Луис утро улица стоит надо мной обнаженный одна нога в шерстяном носке дрожит мой член... продуваемые ветром улицы приборный щиток пистолет затемнение забвение его зовут Джон печальное вялое утро улица в Сент-Луисе... пришельцы человеческая оболочка

тонка она постелила мне постель au gevoir мой член встал едва заметные порывы ветра мальчик зашел в туалет валуны в темном овраге бледно-голубое летнее небо на рыбе... Сколько я заплатил им? Вы знаете, кто я такой?

Пронизывающим холодом обдало Джона от узнавания.

– Одри, ледяной мальчик.

Изморось у него на лице льдинки сверкают в волосах девственная похоть обнаженный в последних алых лучах заходящего солнца кусок хлеба у ног мальчика. Мальчик исчезает среди оснастки судна и кружащих чаек.

– У меня здесь извещение... – Он прочел его текст в трубку. – Когда оно поступило? В пятницу? А точнее? Во сколько? И кто его принес? Гм...

Консул повесил трубку.

– Очень странно. Создается впечатление, что секретарь вышел на минутку, а когда вернулся, обнаружил у себя на столе извещение... Мистер Келли, вы не могли бы описать мне обстоятельства смерти вашего брата?

– Пароход «Панама» курсом из Касабланки в Копенгаген... пошел ко дну со всем экипажем.

Мы спустились по деревянным ступенькам в подвал, в котором было довольно светло, так как домик находился на склоне холма и в одной стене подвала было несколько больших окон. Под окном стояла деревянная скамья, уставленная" моделями кораблей. Кроме того, там было некое подобие пистолета с резиновыми лентами и кукла в два фута высотой, сделанная из медной проволоки, скрученной в сложные узлы. Он коснулся куклы, провел по ней руками и повернулся ко мне.

– Протяни руку.

Неразборчивое число лет назад. Я расскажу вам о пыли на окнах от бесчисленных лет вздымается рубашка чернильного цвета затерянные улицы туманное расплывающееся дитя печальное словно вянущие цветы мертвая рука затянувшийся шрам там у гнезда аиста окно сельского домика...

«Немного чернил вдохнуть в труп не так ли?»

Серебряные паутинки от разорванной пленки забытые места медленно падают словно мертвые листья сквозь зиму писсуар колокол в гавани песок на ветру метет по улицам запах сухих парков расстегивает штаны откидывается назад и жует арахис там в темной комнате голубая электрическая тишина и запах озона втирает зеркальную смазку в серебристую прямую кишку вместе скользят вибрируют мерцают серебряными спазмами взрываются в звездной пыли неба...

– Я Одри, твой холод межзвездного пространства, Джон.

Казалось, не заметил холода, когда Одри протянул свою левую руку. Его глаза вспыхнули изнутри, словно лесной пожар. Улыбнулся подобно животному девственному из далеких морей прошлого жалостного печального спасения мускусный аромат исходил из его открытых лет в ожидании этого.

– Я Джон.

Ветер на лице мальчика бледный с верфи. Он кашлял в платок.

Так случилось, что консул коллекционировал кораблекрушения. У него был специальный альбом, в который он собирал вырезки из газет. «Мария-Селеста», «Грейт-Истер», «Морро-Касл». Здесь он столкнулся с чем-то, что отсутствовало в его коллекции – нечто незначительное, возможно, мелкое грузовое судно, тем не менее, ввиду... – Консул бросил взгляд на листок бумаги... явно заслуживающее определенного внимания. Он вынул пачку «Плейерз», впервые за все время улыбнувшись, и предложил сигарету посетителю. Молодой человек принял сигарету с непроницаемым лицом и холодным «Благодарю». Было что-то... гм... необычное... решил консул в этих бледных холодных глазах, которые как будто всматривались в какую-то точку, бесконечно далекую как в пространстве, так и во времени. Он смотрит в телескоп, решил консул с уверенностью, удивившей его самого.

– Я так полагаю, что ваш брат был членом команды?

– Да. Он был третьим помощником капитана.

Медное эхо глумливого хохота тропиков от кружащих стервятников Панама-сити...

Numero uno¹

Голубое пламя мексиканского неба, кружащие стервятники...

M'importe NU YNU YNU
Ynada mas que NUUUUUUUU

Задник из гор... переполненный автобус несется на предельной скорости цветы и кресты на обочине отмечают места предыдущих аварий. Автобус забит индейцами, сидящими внутри и на крыше. Все они поют.

M'importe NU YNU YNU
Ynada mas que NUUUUUUUU

Кудахчут куры, козы блеют, пойманная игуана с широко распахнутой пастью брызжет мочой в молчаливом ужасе. Двое сутенеров раскуривают косячок с полицейским. Водитель поет и отбивает такт ногой, он курит толстый косяк и пьет текилу из бутылки, которую держит в другой руке. Рядом с ним дырявая емкость с бензином сверкает на солнце. Внезапно искра падает с его сигареты на емкость с бензином. Он смотрит вниз, видит, что случилось, и понимает, что ему следует делать.

Продолжая петь «Ynada mas que NUUUUUUUU», он открывает дверцу, выпрыгивает из кабины, катится в мягкую ямку на обочине и с легкостью кошки приземляется на ноги. Автобус, охваченный пламенем, скатывается в узкий ров. Ветер разносит крики и запах паленой плоти. Спасти могут только те, кто сидят на крыше. Рабочие, рубящие тростник с помощью мачете, бросают на землю мешки с тростником. Они смотрят на горящий автобус. Они смотрят на водителя. Выжившие пассажиры с крыши тоже смотрят на водителя. С нечеловеческой скоростью, петляя, он бросается бежать по направлению к горам, оставляя далеко позади все шесть десятков преследователей.

Старый Сержант, обращаясь к выпускному классу курсантов:

– Вы, ребята, видимо, считаете себя намного выше местных черножопых? Ну, тогда, значит, у вас появился шанс доказать свое превосходство...

(Он раздает распечатки. Курсанты смотрят на него с ужасом.)

1-й курсант:

– По-вашему, я должен поджечь автобус и выпрыгнуть из него на глазах у шестидесяти человек с мачете в руках?

Старый Сержант:

– Верно. Для хитреца Сойера это не составило бы особого труда.

2-й курсант:

– Запрыгнуть в первую спасательную шлюпку и отбиться от пятидесяти женщин, желающих попасть в нее?

Старый Сержант:

– Кое-что поймешь о женоненавистнике Бастере.

3-й курсант:

– Выкрасть парашют в пассажирском самолете, выпрыгнуть из самолета, предварительно устроив крушение? Господи, за такое я могу всего лишиться.

¹ Номер один (исп.).

Старый Сержант:

– Прекрати ныть, ангелочек, или сию минуту снова окажешься в пехоте.

4-й курсант:

– Вроде бы я вытащил самое легкое задание... найдите подходящих поделщиков и организуйте ограбление любого отделения «Banco Nacionale»².

Старый Сержант:

– Это ты получил потому, что ни на что не способен... Ну ладно, шутники, можете взять свое снаряжение... кольца, булавки для галстука, ручки, зубы – все с цианидом... все старье, конечно, но неплохо действуют... и другие яды, которым требуется еще меньше места... вот зажигалка с пульками, зараженными ботулизмом... последствия заражения проявляются через двенадцать часов. Теперь перейдем к биологическому оружию... тоже старые резервы... сибирская язва, бубонная чума, тифозные вши... а вот новинка: «R» означает радиоактивные штаммы... с ними будьте очень осторожны... здесь не поможет никакая вакцина... А вот эти капсулы... примите одну и в течение следующих шести часов своим дыханием сможете свалить с ног целый отдел крепких ребят... или одну вон из тех – и своим пердежом выведете из строя целый округ. А средство под названием «NU» наделит вас сверхчеловеческими возможностями на шесть часов... вы сможете без труда гнуть стальные перила, кулаком пробивать дверь, пробегать пятьдесят миль в час... но как только его действие прекратится, в течение шести дней вы будете беспомощны, словно младенцы... поэтому прежде, чем им воспользоваться, найдите место, где сможете потом надежно укрыться...

– А вот твое задание, Одри... Ты писатель. Опиши захват опасного преступника. Можешь начать скромненько в штате Нью-Мексико, воспользоваться в качестве штаба своей старой альма-матер, Лос-Аламасом...

Когда члены «Комитета бдительности» Нормов, возглавляемые Майком Финном, ворвались в Резервацию Паранормов, они издали страшный вопль ярости. Паранормов там не было. Изрытая ненависть в пустоту, они убили всех животных, которых только смогли найти, после чего уставились друг на друга...

– На что ты так смешно смотришь, Джед? Ты, наверное, хочешь прочесть мои мысли?

– Ты, кажется, умеешь это делать лучше меня, Хомер.

Несколько сотен тысяч Нормов перебили друг друга прямо там же. И тогда слово взял Майк Финн.

– Мы должны вырвать саму идею паранормального с ее зараженными корнями.

Он организовал мощную Полицию Мысли. Любой, у кого на лице было задумчивое выражение, подлежал немедленному аресту и казни. Того, кто выражал мысли, хоть немного отклонявшиеся от благопристойной церковной морали, ждала такая же участь. Американский Моральный Синдром достиг своей терминальной стадии. Смех был строгойше воспрещен. На лицах у всех было одинаковое выражение плохо скрываемой ненависти и желание как можно скорее найти жертву. И тут пришло известие, которого все давно ждали: «Паранормы вернулись. Они укрепились в цитадели на месте Лос-Аламаса».

Под многоголосное пение хора «Вперед, солдаты Христа» Нормы маршем направились на Лос-Аламас. Они не использовали атомные бомбы, так как не осталось никого, кто мог бы с ними управляться. Физики-атомщики и инженеры были уничтожены как Паранормы, ибо простой народ ничего не понимал в их формулах. Самолетам было запрещено подниматься в воздух, так как пилоты в ходе полетов могли тоже сделаться Паранормами. Во время правления Майка Финна стало небезопасным проявлять профессионализм и совершенство в чем бы то ни было. В результате западное общество развалилось, как карточный домик.

² Государственный банк.

Вооруженные вилами, серпами и дробовиками, маршировали Нормы, убивая все живое на своем пути. И вот они взошли на столовую гору, рыча и вопя от ненависти.

С Башен Открыли Огонь.

«Желтая Змея» и «Плюющаяся Кобра» ответили со всей ненавистью, которую когда-либо излучали глаза добропорядочных прихожан, верующих полицейских. Все скопище обитателей Библейского Пояса поистине распоясалось, ответив врагу со всей возможной яростью, подобно белой молнии...

Смерть Смерть Смерть.

Но от великого воинства ничего не осталось, оно полегло, подобно мухам в инсектициде. «Голубой Мангуст» рвался в бой в жажде уничтожения, а путь к отступлению был отрезан Экстер-минатором. Немногие выжившие, плохо соображающие, что происходит, бродили среди бесчисленных груд тел от Лос-Аламоса до Иллинойса, а от Берингова пролива до мексиканской границы волна за волной накатывали силы захватчиков, уничтожая остатки американского кошмара, стирая с лица земли уродливые города и добывая попадающихся им Нормов, словно скот, пораженный ящуром. Любого, кто использовал слова «ПРАВИЛЬНО» или «НЕПРАВИЛЬНО», УБИВАЛИ НА МЕСТЕ. Затем останки Нормов перепахали, чтобы впоследствии использовать в качестве удобрения.

Камеры фиксируют рассеянные силы воюющих и их сломленный боевой дух... подrostки-алкоголики, закрытие подпольных издательств, с черными пантерами покончено, возвращается цензура, загрязнение окружающей среды, перенаселение, испытания ядерного оружия...

Venceremos?

Мы развесим свое белье

На линии Зигфрида,

Если линия Зигфрида еще существует...

Прибытие Одри в Мехико... 3 апреля 1973 г. Комната 18, дом номер 8 по Сент-Дьюк. Снаружи деревья и русло реки с жалким ручейком воды, кое-где запруды со стоячей водой, вдали шоссе. В комнате двое парней. Дверь открывается, и входит третий. Ему около пятнадцати лет, на нем синий пиджак и серые фланелевые брюки.

– Ты умер? – спрашивает Одри.

– Да, – отвечает парень. Он весьма критически относится к другим ребятам и к Одри.

– Вы, видимо, думаете, что смогли бы лучше выполнить задание? – спрашивает Одри.

Парень отвечает «да». Парень номер 1, который был здесь дольше других, пытается затащить номер 3 в постель. Номер 3 сжимает кулаки и говорит:

– Отвяжись!

Тем временем на шоссе грабят отделение «Banco Nacional». Одри решает пойти в полицию. Они едут по пустым улицам. Номер 1 спрашивает его, чем на самом деле занимается начальник полиции...

– Разными вещами. Он бросает людей в тюрьму, избивает их. Кроме того, он отвечает за подчиненных ему полицейских, которые постоянно напиваются и стреляют друг в друга и в гражданских. Он должен поддерживать дисциплину.

Мы прибываем во двор, и парень номер 2, знающий испанский, отправляется договариваться о допросе. Нас вводят в небольшой кабинет. Шкафы с папками, скамья у одной стены. За небольшим письменным столом сидит женщина-судья, перед ней – пишущая машинка, за спиной – окно. Часть скамьи находится под столом, поэтому, когда Одри садится, его ноги почти касаются колен женщины. Номер 1 примостился на тумбочку с папками напротив Одри с другой стороны стола. Номер 2 садится слева от Одри, скрестив руки. Номер 3 стоит, при-

слонившись к шкафу с документами. Судья – крупная дама лет шестидесяти с широким бледным лицом, крупным носом, тонкими губами и в очках в металлической оправе. Она больше напоминает университетскую преподавательницу, чем судью.

Одри готов к вопросам об ограблении... слышал ли он выстрелы и т. п... а также к вопросам относительно его отношений с тремя ребятами.

Тем не менее она начинает беседу издалека, говорит о проблеме доверия... она ожидает от него доверия. Фрэнсис Хаксли, например, перевел... далее следует какое-то испанское название... Одри хочет сказать: «О, да, очень неплохо сделано...». И тут до него доходит, что она обладает телепатическими способностями. Он понимает также, что по какой-то причине она доверяет Фрэнсису Хаксли, а ему – нет. Она продолжает говорить и дальше так же уклончиво и с явным намеком на критическое отношение к нему. Он внезапно понимает, что любое упоминание об ограблении здесь будет неуместно. Затем она обращается к трем ребятам. Номер 1 широко улыбается и говорит о «бездействии общества». Его слова вызывают у нее раздражение, она недовольно поджимает губы. Номер 2 говорит: «Мы пришли сюда, чтобы помочь» – но успевает вовремя остановиться на грани совершения грубой оплошности – упоминания об ограблении. Номер 3 ничего не говорит, но он ей явно нравится больше всех остальных.

Теперь мы можем идти, но судья напоминает, что мы находимся под наблюдением... в некотором роде, то есть...

Раздавленный и гонимый, лишь с небольшой горсткой последователей, Одри призывает проклятия на Белую Богиню и на все ее творения, от конквистадоров до Хиросимы, от Болотных Людей до Королевы, от земли Дикси ³ до Южной Африки... проклятия от всех маленьких людей земли: Смерть Белой Богине. Ребята решают укрыться в Мексике, где живет дядя одного из них.

Ветхая фазенда в Мексике, горный оплот когда-то могущественного семейства Де Карсон. Семья в последнее время утратила свою прежнюю власть, возможно, из-за старомодного представления о чести, которое, как предполагается, поставило семейство в крайне невыгодное положение по сравнению с их противниками, пользовавшимися американскими методами. Теперь они хотят вернуть себе прежнее могущество. Молодой Дон призвал к себе Старину Тио, семейного наемного убийцу.

– Позаботься об этом неудобном семействе Вестиори и, пожалуйста, улыбайся, только когда улыбка абсолютно необходима...

Старина Тио улыбается...

Наступает благоприятный момент для упоминания о юном племяннике и его друзьях. Молодой Дон проявляет интерес. Он начинает расспрашивать о подробностях.

В ретроспективном эпизоде видно, как ребят косят равнодушно-циничные агенты по борьбе с наркотиками, полицейские из южных штатов, поддерживаемые религиозными женщинами и денежными мешками.

– Битвы ведутся для того, чтобы их выигрывать, и вот что происходит, когда вы их проигрываете... – цитирует молодой Дон.

– Выжившие выучили этот детский урок, – отвечает Старина Тио, – они могут быть очень полезны...

Всматриваясь в череп, он видит ребят как копье... копье звезд, пронзающее небо... копье похоже на «копоть»... ахххххх точно э-э мертвый ребенок... неуязвимый для смерти... неуязвимый для жизни... если бы мы смогли перекрыть источник мужского потомства?

³ Штат Луизиана.

Полицейские исчезают с южной улицы... наглые парни, черные и белые, преграждают дорогу южной красотке... они вырывают у нее из рук сумку с продуктами и срывают с нее одежду, в которой потом разгуливают сами...

Молодой Дон гладит череп... череп источает приятный кисловато-мускусный аромат... азотисто-озоновый аромат, смешанный с порождающими желудочные спазмы намеками на запахи тления и цианида...

* * *

Стервятники, поедающие мертвую корову на фоне раскаленного мексиканского пейзажа... Осужденный на смерть в газовой камере. Его лицо меняется и становится лицом Белой Богини...

Затхлый сухой запах заброшенных домов на окраине и пустых раздевалок... влажный аромат гниющего цветка... запах мутации...

По мере того как благоухание черепа наполняет помещение, кошки, лисы, ласки, койоты, еноты, норки сбегаются в комнату и начинают тереться о мебель и о ноги молодого Дона и Старины Тио...

Череп, источающий аромат, – символ семейства Де Карсонов. Уже было много попыток похитить череп... У Старины Тио 18 зарубок на винтовке.

Молодой Дон кивает и смотрит в хрустальный череп. Камера следует за его взглядом внутрь черепа, высвечивая все его внутренние изгибы. Семейство Дона многое потеряло вследствие американского вторжения. Скоро вообще не останется семейств, подобных его семье. Но если ему все-таки удастся направить копьё прямо в сердце Американского Белого Кита? Прямо в сердце Белой Богини?

Вот молодой прокурор округа, только что вышедший из своего офиса. Рядом с ним появляется Старина Тио, чтобы дать ему небольшой урок фольклора.

Старина Тио:

– Знаете, сеньор адвокат, я намерен прислать вам оленя.

Прокурор округа:

– О, это очень мило с вашей стороны, но, пожалуйста, не затрудняйте себя...

– Ну что вы, сеньор адвокат, какие могут быть затруднения!

Лошадь с трупом, перекинутым через седло, словно охотничий трофей, подводит к зданию полиции флегматичный мексиканский коп.

Он равнодушно указывает большим пальцем на свою находку вышедшему на крыльцо прокурору округа:

– Un venado ⁴.

Только теперь до прокурора округа доходит смысл народного выражения, которое употребляют в сельской Мексике. На фоне голубого мексиканского неба и черных крыльев стервятников улыбается Старина Тио...

⁴ Олень (исп.).

Старина Тио пришел к вам в гости
Привезти оленя? Так это ж очень просто
Над долиной, солнцем палимой
Смеется Старина Тио

Под воздействием черепа юноши носятся по Мехико, словно коты по кошачьей мяте. Вилли Актер переодевается в мачо времен президента Алемана ⁵: клетчатый костюм, накладные усы, пистолет 45 калибра с рукояткой жемчужного цвета. Он разъезжает по улицам в черном «кадиллаке», выкрикивая «Chingoa» ⁶ и расстреливая из пистолета кошек и кур. «Кадиллак» с визгом останавливается перед баром, залитым неоновым светом. Он вылезает из автомобиля вместе с Одри и Джерри в тряпье чапультепекских ⁷ старлетов. Держа их под руки, он вваливается с ними в бар, напевая:

Ando borracho
Ando tomando
Yahhhhhooooowwwwww

Бармен зеленеет при виде их. Они выглядят угрожающе. Бар освещен зеленым неоновым цветом, у одной из стен стоит аквариум с тропическими рыбами. Рядом со стойкой – группа американских туристов. Вилли глядит на блондинку в слаксах.

– Buenas noches ⁸, сеньорита.

Она поворачивается к нему спиной. Он подходит к ней ближе и тычет в нее дулом своего пистолета. Джерри и Одри хихикают и толкаются.

– Ну он просто чудесен... Он никогда не повторяется.

Стриженный под ежик парень-американец пытается вмешаться. Вилли нацеливает пистолет ему в живот и улыбается. Еще один американец начинает медленно продвигаться к телефонной будке.

– Chingoa!

Вилли выстрелом разбивает стекло телефонной будки и сам аппарат на мелкие осколки.

– Никогда не повторяется.

Из «кадиллака» выходит еще один парень, переодетый в мачо, с двумя блондинками и группой певцов мариачи ⁹. Оба мачо бросаются друг к другу и крепко обнимаются.

– Родригес.

– Бернабе.

– Каброн.

Они бросают Grito ¹⁰, который подхватывают певцы мариачи и идут в «Андо Боррачо».

Бернабе бросает деньги на стойку и заказывает виски «Old Parr» на всех присутствующих, после чего поворачивается к американским туристам.

– Практически все в Мексике пьют виски.

– Никогда не повторяется.

⁵ Президент Мексики 1946–1952 гг.

⁶ Непристойное ругательство (исп.).

⁷ Холм на окраине Мехико с обилием развлекательных заведений.

⁸ Доброй ночи (исп.).

⁹ Стиль народной мексиканской музыки.

¹⁰ Клич (исп.).

(Этот рефрен подхватили уже и четыре блондинки.)

Теперь они начинают парадировать мексиканского копа. Бернабе сует в рот громадную чеканную бляху и скалится.

– Никогда не повторяется.

Они обходят бар вокруг. Бернабе сверкает бляхой, а Родригес держит паспорта вверх ногами, злобно глядя на них и рыгая чесноком.

– Документы у вас плохие, ми-истер... Пройдемте в комиссариат.

– Никогда не повторяется.

Бернабе запрыгивает на стол и мочится в большой аквариум с рыбами.

– Никогда не повторяется.

Ребята надевают костюмы чарро ¹¹ и разъезжают по сельской местности, терроризируя пеонов. Они устраивают сидячие соревнования, усаживаясь вдоль стены и надвинув шляпы на глаза. Фишка состоит в том, чтобы просидеть дольше всех остальных и меньше других шевелиться. Дэйви Джонс выигрывает без малейшего усилия.

Затем они добывают тексты ацтеков и майя и наряжаются в одежды из перьев в стиле Монтесумы. В текстах имеется изображение человека выплевывающего кремь... суровые слова... Или изображение маленького зеленого свитка, выходящего изо рта. Одри и Дэйви Джонс сидят напротив друг друга. Одри в одеянии колибри, Дэйви Джонс – в костюме Черного Капитана. Дэйви Джонс плюется кремневыми наконечниками для стрел. Одри дует в маленький зеленый бумажный свиток, тот лопается, и вокруг распространяется запах тухлых яиц. Это наводит Одри на мысль, и он принимается за работу с плесенью и затвердевшей карамелью. И вот леденец готов. Сняв с себя всю одежду, кроме одеяния колибри, в сопровождении Джерри в набедренной повязке, из-под которой кое-что выпирает, он влетает в бар, где сидит мачо и пьет. Мачо смотрит на них и плюет на пол.

– Maricones ¹².

Одри выплевывает леденец настойку, он скользит по ней и останавливается прямо перед мачо. Леденец представляет собой фигурку с надписью «Yo» ¹³, совокупляющуюся с женской фигуркой с надписью «Tu Madre» ¹⁴. Прямо настойке бара... «Chingo tu madre» («Я е... твою мать»). И пока мачо в изумлении смотрит на происходящее, в его сторону вылетает еще один леденец... маленькая церковка с надписью «En» ¹⁵.

«Я е... твою мать в церкви».

– Chingoa ¹⁶!

Мачо протягивает руку к своему пистолету, но Одри мгновенно вытаскивает из-под своего одеяния обрез и наводит его на живот мачо.

Из-за скандала в пивной «Лос-Ниньос» семейство Де Карсонов теряет уважение у соседей. Ребята планируют прощальное представление.

День Независимости... Все vecinos ¹⁷, pistoleros ¹⁸, rancheros ¹⁹, пеоны, владельцы опиумных плантаций и policies ²⁰ собираются на городской площади перед дворцом губернатора в

¹¹ Мексиканские ковбои.

¹² Педерасты (исп.).

¹³ Я (исп.).

¹⁴ Твоя мать (исп.).

¹⁵ В (исп.).

¹⁶ Нецензурное испанское ругательство.

¹⁷ жители городка (исп.).

¹⁸ стрелки, наемные убийцы (исп.).

ожидании призыва. На крыше дворца появляются ребята, обнаженные, за исключением ремней и пистолетов 45 калибра. Они трахаются на виду у всей толпы. Кончая, они выстрелами сбивают стервятников, которые сыплются на площадь, забрасывая собравшихся падалью. И пока взбешенная толпа штурмует дворец, ребята ускользают на громадном планере в форме стервятника с шестью мотоциклетными моторами. Настало время парням попутешествовать.

Действие фильма «Quiemada», что по-португальски значит «сожженный» происходит в начале XIX века на одном из вест-индских островов. Марлон Брандо, исполняющий роль сэра Уильяма, агента британского правительства, сходит с корабля.

– Ваши вещи, сэр?

Носильщик – Хосе Долорес. Он пытается стянуть чемодан сэра Уильяма. Сэр Уильям находит его и после определенных дисциплинарных мер решает, что с помощью этого парня сможет изгнать португальцев. Сэр Уильям организует кражу золота и восстание с Хосе Долоресом во главе. Проходит время, и Хосе становится предводителем группы партизан, воюющих против владельцев сахарных плантаций. Их действия наносят урон интересам английских чае-торговцев, и они обращаются к сэру Уильяму с просьбой подавить восстание, что он с готовностью выполняет при помощи нескольких тысяч британских солдат, относительно хорошо подготовленных и вооруженных против горстки партизан. В результате получается настоящая резня. Среди британских солдат нет ни одного погибшего.

Хосе взяли живым. Сэр Уильям пытается спасти его и убеждает бежать, но тот предпочитает стать мучеником, и его вешают неумелые черные палачи. Сэр Уильям вынужден показывать им, как завязывается петля. Потом он уезжает. И вот мы возвращаемся к началу, но на сей раз он отбывает с теми же чемоданами десять лет спустя.

– Ваши вещи, сэр?

Он оборачивается и видит черного парня, настолько похожего на Хосе, что он застывает в недоумении. Улыбка появляется на лице сэра Уильяма.

– Хуан, это ты...

Парень вонзает ему в бок нож в тот самый момент, когда вешают Хосе. Он падает, а рабочие в течение нескольких секунд еще продолжают разгрузку судна – все воспринимается глазами умирающего в сепии и останавливается, когда какая-то женщина рассыпает мешок муки у причала.

Стоп-кадр.

Куда же пойдет отец Уильям?

Сколько же раз, он, по-видимому, думал: «Этот тупой ниггер из джунглей... я сумею показать ему, как поставить на колени все Антильские острова... с таким оружием, как саботаж, яд, оплаченное убийство ни один белый не сможет быть уверен в своих слугах. Европе нужен сахар и ром. Привести сюда флот Его величества. Он сможет научиться пользоваться услугами белых профессионалов. Переймет их навыки и будет выполнять их работу еще лучше, соединив технические познания белых с природной ловкостью черных. Антильские острова? Почему же останавливаться на них? Почему бы не заполучить монополию на сахар во всей Вест-Индии? – Сэр Уильям мрачно качает головой. – Он никогда не будет мне доверять и ничему от меня не научится. И даже если научится, то вскоре постарается от меня избавиться. Шпенглер предвидел, что черные под предводительством белых авантюристов захватят Западную Европу и Соединенные Штаты. Шпенглер был белым идиотом, если действительно думал, что черные примут подобное руководство, даже если им будет обеспечена победа такой ценой. Да, – решает сэр Уильям, – мне следовало бы стать черным».

¹⁹ фермеры (исп.).

²⁰ полицейские (исп.).

Почему бы и нет? Это можно организовать.

Повтор кадра с сэром Уильямом в качестве молодого агента. Начальник приглашает его к себе в кабинет на небольшую беседу. Начальник кажется немного растерянным. Он наливает виски и принимает вид «папаши, собирающегося объяснить сыну кое-что о сексе».

– Сколько тебе лет, Уильям?

– Двадцать три, сэр.

– Да... гм... ты уже вполне взрослый, чтобы начать разбираться в смерти, сынок. Я знаю, что ты уже много слышал от ребят в Даунсайде и от падре, и я хочу сказать тебе, что ни черта они не смыслят в полетах.

– В полетах, сэр?

– Да, сынок, от одной посадочной площадки до другой. Ты достаточно взрослый, чтобы кое-что понимать в смерти, сынок. И то, что они говорили тебе в школе, эти опившиеся виски попы, похоже на попытки летать на реактивном самолете, не зная точного направления. Тебе трудно будет убрать Иисуса Христа со взлетной полосы. А те парни, что верят только в смерть, еще хуже. Чем более мертвым ты будешь себя считать, тем в худшем месте приземлишься. Ну что ж, теперь ты научишься выбирать себе место для приземления и посадочную площадку и обустроить ее. Ты меня понял?

Хрупкие планеры взлетают над пропастью. Кадр застывает и превращается в картину. Золотыми буквами на раме надпись «Прибытие».

Настало время парням попутешествовать... во времени...

Мы перепишем историю и исправим все ее ошибки. Мы перебьем всех дерьмовых подонков до того, как они появятся на свет.

Первое путешествие приводит их на вест-индский остров в 1845 год. В качестве трамплина они используют фильм «Quiemada» и оказываются в роли военных советников у горстки партизан под предводительством Хосе Долореса, вооруженных кремневыми ружьями. У партизан с неряшливыми португальцами как раз перемирие. Это дает советникам необходимое время. Однако уже приближаются британские войска, с новыми винтовками с капсюльным ударным механизмом. Руководит ими сэр Уильям Уокер, эксперт по борьбе с партизанами. Как же изготовить из подручных материалов эффективное оружие против англичан? На территории, занятой повстанцами, имеются залежи железной руды. И пока еще есть время. Старый Сержант:

– Отлично, шутники, мы будем делать оружие... Я имею в виду то оружие, которое по настоящему убивает. – Он поднимает кремневое ружье. – Не такое, которое может взорваться и разнести вам физиономию, которое бесполезно в дождь и которое убивает только одного врага за один раз и то лишь при условии, что ветер дует в его направлении... У нас есть железная руда и у нас есть время. Конечно, приближается сэр Уильям со своими солдатами. К тому времени, когда сэр Уильям будет здесь и его осенит, что нам требуются ресурсы, проще говоря, жители местных деревень, и начнет изгонять их отсюда, а деревни сжигать, мы уже будем готовы дать отпор его красномундирникам. Прежде чем начинать изобретать что-то новое, следует забыть то, что вам уже известно – забыть все о пружинах, спусковых крючках, обо всем, что сделано с помощью машин, и полностью сосредоточиться на огневой мощи. Каким образом заполучить наибольшую возможную убийную силу. Вот несколько главнейших принципов: чем больше та или иная штукавина, тем ее легче изготовить. Гораздо легче сделать хорошую пушку, чем хороший пистолет. Поэтому мы и начнем с крупных вещей. Изготавливая крупные вещи, мы научимся делать их меньше и удобнее. Дальше, разузнайте, чего нет у вашего врага. Именно то, чего у него нет, вам будет легче всего сделать. Ладно, я вам подскажу. Это фейерверк. Они

уже шестьсот лет используют огнестрельное оружие и до сих пор не научились пользоваться фейерверком. Под фейерверком я имею в виду взрывающийся реактивный снаряд, который бросают вручную или при помощи пусковой установки или из пушки. Конечно, у них есть гранаты, а в XVII веке были даже мортиры, но дальше их мысль не сработала. Шестьсот лет они используют пушечные ядра, но им так и не пришлось в голову создать ядро, взрывающееся при контакте. Я уже говорил, что они так и не научились по-настоящему использовать фейерверк. Трудно поверить, ребята, но первая еще очень примитивная граната, взрывавшаяся при контакте, появилась лишь во времена Гражданской войны в США.

Граната была настоящей уродиной. Детонирующий стержень был покрыт бугорками, и на конце каждого бугорка имелся капсюль. Названный стержень свободно помещался в металлическую оболочку. В случае контакта капсюли ударялись о металлическую оболочку и граната взрывалась. Многие взрывались и раньше. Стоило излишне резко дернуть рукой, в которой вы держали гранату, и та взрывалась прямо вам в лицо. Нужно было научиться плавным движениям, как в боулинге. Ну что ж, мы сможем обойтись без таких детонаторов. Но нашим первым и самым легким для изготовления оружием будут все-таки гранаты. Гранаты и пусковые установки для гранат. Самой разной величины, размером от пистолета до пушки.

К счастью для нас, глупость военных просто невероятна. В противном случае у них уже было бы такое оружие, которое мы не смогли бы скопировать без создания крупных фабрик. Теперь у нас имеется граната, которая, по сути, есть не что иное, как металлическая коробка с порохом внутри. Мы хотим, чтобы граната взрывалась, долетев до того места, куда мы ее бросаем. Существует много способов добиться этого, но некоторые из них отдают не меньшим кренинизмом, чем тот артефакт, который я вам только что описал. Помните, у нас не гремучая ртуть.

Старый Сержант продолжает говорить, а молодые лица движутся и меняются. И пока он говорит, создаются устройства, о которых он рассказывает...

– Простейшим приспособлением для взрыва гранаты является внешний запал. Запалы взрываются, а у нас нет материала для изготовления хороших запалов. Мы, конечно, можем использовать запал, заключенный в металлическую трубку, вровень с поверхностью гранаты, а порох, чтобы он не рассыпался, запечатать воском. Еще одно простое решение – пропустить проволоку с поверхности через корпус гранаты в пороховой заряд. Если гранату обернуть в деготь или тряпье, пропитанное маслом, и поджечь, проволока нагреется и заряд взорвется. Но здесь придется довольно точно определять расстояние до цели. Необходимо будет найти способ определять время взрыва. Один из способов состоит в том, чтобы покрывать проволоку изоляцией различной плотности, сургучом, к примеру. По плотности сургуча на проволоке мы сможем примерно определить, сколько времени ей потребуется, чтобы нагреться до нужной степени и взорвать заряд. Короче говоря, нам нужно поместить запальный механизм внутрь гранаты. Чем меньше частей будут выступать из корпуса гранаты, тем лучше. Одно из решений – сделать металлический корпус гранаты очень тонким в отдельных местах. Такие участки будут нагреваться быстрее и взрывать заряд, а по их толщине можно будет определить, сколько времени на это потребуется.

Мы будем делать гранату, предназначенную для взрыва при контакте. Самый простейший вариант – головка из тонкого металла, отбрасываемая при столкновении. Головка начинена кремниевой и металлической стружкой, поэтому при ее отбрасывании при контакте от искры вспыхнет заряд. Можно также использовать головки от фосфорных спичек, если держать гранату подальше от солнечных лучей, предпочтительно в простом холодильнике. Кремнь можно прикрепить к ударнику, который опускается при контакте. И ваша граната взорвется при соприкосновении с любым твердым объектом, включая человеческое тело.

Теперь обратим внимание на кусок трубки, который называют стволом. Прошло целых триста лет, прежде чем кому-то в голову пришло уместить все в один патрон. Итак, давайте

сделаем патрон без гремучей ртути. Вот патрон с проводком на том месте, где должен быть капсюль. Проводок тянется до порохового заряда. Проводок необходимо лишь нагреть, чтобы взорвать заряд.

Как ни странно, один из простейших способов добиться этого – воспользоваться электрической батареей, поэтому одной из первых наших попыток будет изготовление винтовки на батарейке. И мы не будем тратить время на отдельные выстрелы, мы сразу начнем с очереди. И сначала мы сделаем большой образец, исходя из которого будем делать экземпляры поменьше. Мы назовем его тепловым оружием, так как нам нужно будет только тепло, чтобы разогреть проволоку и зажечь заряд. Чтобы управляться с ним, необходимо два человека, а стрелять из него можно с треножника или подобной установки. Магазин – стальная рама, в которую вставляются патроны. Затем все это вручную протягивается через казенник и удерживается там, пока заряд не взорвется. Он взрывается с помощью батареи или коробки с горячими углями, располагаемой за казенником, или с помощью керосиновой лампы и даже увеличительного стекла под солнцем. Вам необходимо только тепло. Просто поднесите к проволоке горячую пластину, прицельтесь и ждите выстрела. Вам не нужен ни курок, ни ударник. Теперь вы поймете, почему мы пропустили этап с одиночными выстрелами. Гораздо легче стрелять из такого оружия, используя магазин, который вы пропускаете через казенник (позже, конечно, у нас будут вращающиеся магазины и магазины на пружинах), чем вставлять патроны по отдельности.

Мы намеренно выбираем для этой цели людей, творчески мыслящих, но без профессионального опыта в производстве оружия и без ясного представления о том, какие части имеются в современной винтовке или револьвере. По мере того, как развивается любое изобретение, возникают проблемы, и оттого, каким образом решаются подобные проблемы, зависит все будущее данного изобретения, как только она перейдет на стадию массового производства. Решение технической проблемы необязательно всегда бывает наилучшим возможным решением или даже просто хорошим решением. Видите, мы сейчас находимся на пути к уничтожению двух частей оружия, которые считались основными – курка и ударника. Поэтому винтовки и пистолеты, которые появятся в результате дальнейшей разработки наших моделей, будут очень отличаться от современного вооружения такого рода. То же самое справедливо и по отношению к любому другому изобретению. К примеру, самая простая форма мотора – реактивный двигатель. Зачем же в таком случае возиться с цилиндрами, карбюраторами и свечами зажигания?

Еще одной заменой детонатору может служить головка фосфорной спички, запечатанная в патрон. Она может воспламениться благодаря трению о казенник. Самодвижение по перемещению патрона в казенник может привести к взрыву патрона. И почему капсюль должен обязательно находиться на конце патрона? Почему бы его не поместить сверху ближе к передней части? Если капсюль будет располагаться в передней части, задняя часть патрона может быть толще, чтобы принять на себя отдачу, и всю конструкцию казенника можно будет сильно упростить.

И вот пребывает сэр Уильям со своими красномундирниками, вооруженными абсолютно новыми винтовками с капсюльным ударным механизмом, однозарядными, заряжающимися с дула. Губернатор устраивает в их честь банкет. Французский консул раздражается резким холодным блеющим смехом.

– Я поднимаю бокал за славную победу храбрых англичан над двумя сотнями полуголодных оборванцев-партизан, единственное оружие которых – кремневые ружья и мачете.

Сэр Уильям наступает, сжигая по дороге деревни, а партизаны отходят. И вот он окружает их у входа в долину, за которым отвесный склон горы и море, где стоит на причале еще один английский корабль. Шестьсот солдат и офицеров – офицеры верхом – входят в долину.

В долину смерти въехало шестьсот...

Они беззаботны, уверены в своей победе и все. еще находятся вне досягаемости старых ружей, которыми, по их мнению, располагают партизаны. Когда первый град гранат начинает сыпаться у них над головами, полковой шутник выкрикивает:

– Обезьяны бросаются кокосами... Все хохочут и нагибаются. Лошадь и герой пали...

Лошадь сэра Уильяма встает на дыбы и спасает его жизнь в тот момент, когда прямо перед ней взрывается граната. Сэр Уильям поднимается с земли, с ног до головы покрытый лошадиной кровью.

– РАССРЕДОТОЧИТЬСЯ... НАЙТИ УКРЫТИЕ...

С огневых позиций начинают стрелять пушки. Офицеры и солдаты разбегаются в безумной панике. Как истинно английский джентльмен сэр Уильям выкрикивает очевидное:

– КАЖДЫЙ ЗА СЕБЯ.

Пушка справа от них, пушка слева от них дала залп и загрохотала.

И тогда они ускакали прочь.

Те, под кем еще были лошади, наверняка так и сделали. Остальные бежали, шли, ковыляли и ползли, отступая.

Но уже не шестьсот...

Назад возвратились двести двадцать три насмерть перепутанных и контуженных из бывших в строю... (Le Comte ²¹ издал резкий холодный BLEЮЩИЙ смешок.)

Камера демонстрирует поле боя под исполнение мюзик-холльной мелодии времен Второй мировой войны в медленном минорном ключе...

Мы развесим свое белье
На линии Зигфрида,
Если линия Зигфрида еще существует

Одри и Диб в аэропорту Атланты. Одри – стриженный под ежик молодой муж, а Диб – его беременная жена. В момент посадки на самолет до Майами их замечает группа агентов ФБР, у которых есть задание взять Одри и Диб живыми.

– Эй, вы двое, стойте...

Одри и Диб бегут к самолету, агенты преследуют их. Диб расстегивает молнию на животе и через плечо бросает своего «ребенка». Из груды набивочного материала начинает выходить газ. Нервнопаралитический газ. Агенты спотыкаются и падают на землю, корчась, а Одри и Диб заскакивают в кабину самолета.

– Взлетай прямо отсюда...

Нервнопаралитический газ, выходящий из задней части самолета, заполняет аэропорт и близлежащие улицы. Люди кучами валяются на земле, непроизвольно испражняются, мочатся, бьются в судорогах. Автомобили сталкиваются. Подъезжают полицейские машины. Из них выскакивают копы и тут же падают...

Самолет делает круг над землей, а Одри открывает рот, как мальчик-идиот из фильма 1920 года и говорит:

– Эй, глянь-ка, все мертвенькие!

Снег на улицах... Одри кашляет. Впереди – заграждение полиции, молодые люди выстроены вдоль стены. Полицейский с обрезом в руках. Одри корчится в кашле и начинает стрелять из «Р-38» с глушителем. Пух, пух, пух... звук напоминает открывающуюся бутылку шампан-

²¹ Граф (фр.).

ского, но не настолько громкий. Полицейские машины пытаются укрыться, заехав в подъезды... Они находят убежище в стриптиз-клубе... молодым ребятам нужно что-то особое...

На сцену выскакивает девица...

– У меня есть *je n’sais quoi* ²²...

Она взмахивает рукой – и у нее выскакивает лапа с когтями.

– У меня есть я не знаю что...

У нее на лице прорастают хелицеры ²³.

– У меня есть хаммбабблбббллуу...

Публика бросается к выходам по мере того, как мерзкая черная вонь мутации наполняет помещение. Сирены полицейских машин... Одри и Диб бегут по переулку, когда дорогу им перегораживают полицейские машины. Впереди голая стена... Одри бросает последнее яйцо – стена превращается в прозрачную мембрану. Они протискиваются сквозь нее, полицейские бросаются вслед за ними, открыв стрельбу.

Песок на улицах... запах моря... ломбарды... Мы ныряем в «Закусочную Джо» и я оглядываюсь по сторонам. 1930—40... Воры, сутенеры, торговцы наркотиками. Я чувствую, что у меня появилась одна характерная особенность. Она развилась благодаря путешествиям во времени. Достаточно взглянуть на торговца наркотиками – и он сразу же подходит к вашему столику.

– Мы не могли с вами где-то уже встречаться?

– Да, конечно, – отвечаю я и гляжу на него.

– Нужен косячок?

– Не откажусь.

– Я знаю тут одного эскулапа, но ему нужны зеленые.

– Сколько?

– Тридцать четвертей. Вам ведь нужен док Ван?

– В общем, да. А вы его знаете?

– Нет, не знаю. Только слышал.

На лице торговца наркотиками читается облегчение.

– Он ничего не станет выписывать, если не знает вас. Но я могу провести вас к нему.

– Понимаю... Хелен все еще с ним?

– Да. Она выступает в роли вышибалы в случае, если кто-то попытается надавить на него с целью получить рецепт.

– О ней тоже всем хорошо известно.

– Думаю, что да. Теперь слушайте, если можете меня подождать, я все там с ним улажу и встречу с вами здесь.

Я покачал головой и улыбнулся...

– Я пойду с вами и подожду снаружи. Но прямо сейчас нам нужно найти комнату и разместить наше оборудование.

Он кивнул.

– Здесь довольно горячий район. Оставаться на улице небезопасно.

Он бросил взгляд на мой портфель, словно задаваясь вопросом, что в нем может быть. Я встал.

– Встретимся здесь через полчаса.

Отель «Глобус» находился на боковой улице под живописной железной дорогой, которая выглядела так, словно ею не пользовались уже несколько десятилетий. Старый китаец взял у

²² Я не знаю что (фр.).

²³ Ротовые придатки пауков.

нас деньги и протянул ключи. Номер был вполне обычный для подобного рода заведений: двуспальная кровать, умывальник, шкаф, зеленые шторы. Мы спрятали оружие и патроны под ванной. Под умывальником я нащупал кое-какой товар торговца наркотой, завернутый в коричневую бумагу, и стряхнул с него таракана. Товар лежал там довольно давно. Я вернул его на место. Он понадобится мне позже.

Торговец наркотой ждал в «Закусочной Джо». Ему было явно нехорошо, глаза у него слезились. Он повел нас по покрытым песком улицам. Время от времени дорогу нам перебега лулов²⁴.

– Будьте осторожны, – сказал мне торговец наркотой. – Стоит этой гадине вас укусить, и может начаться заражение... Ну вот мы и пришли. Не позволяйте ему заговаривать вам зубы.

Я стоял на пороге с карманным телескопом в руках и смотрел, куда направился торговец наркотой. Профессиональный визит Хелен и Вану я нанесу позже. Что-то коснулось моей ноги. Я глянул вниз и увидел лулова. Он попытался укусить меня, и его зубы впились в отворот на брюках. Я резко повернулся, поднял и опустил вторую ногу лулову на горло. Минут через пятнадцать вышел торговец наркотой. Я подумал, что он пытался надавить на Вана. Зная Вана, я понял, что ему это не удалось. Мы поделили 30 четвертей на пороге над мертвым луловом.

Вернувшись в отель, я вынес товар из ванной. Какое-то предчувствие заставило меня вытащить также и оружие. Привычка, выработавшаяся в ходе путешествий во времени. В первую очередь думай о своей безопасности. Слишком многое может меня затормозить. Я остановился на трех четвертях и считал, что сделал правильный выбор. Я лег на кровать, подложив подушки под голову, и стал размышлять. Хелен и Ван... аборт и торговля наркотиками – всего лишь прикрытия для этих двух пташек. Ван... национальность – канадец... 57 лет... специалист в трансплантологии... может пришить вам ногу прокаженного, и вы даже не заметите... лишен лицензии на врачебную практику во многих местах и под множеством различных имен... но всегда через какое-то время принимается за старое... теперь, должно быть, пока не высовывается. Хелен... австралийка... 60 лет... обладательница рук невероятной силы... массажистка... профессионально занимается проведением абортов... эксперт в попытках разного рода... участвовала в краже драгоценностей... на ее совести множество убийств. Мне противостояли два настоящих старых профессионала... и я должен был тщательно продумывать каждый свой шаг. У нее на дверях, конечно же, есть цепочка, а сама дверь обита железом. Понадобится соответствующий инструмент, чтобы проникнуть внутрь.

В комнату быстро вошел Диб и захлопнул за собой дверь.

– У нас гости в коридоре... от «Джо» за мной следовал нарик.

– Всего один?

– Один.

Мой инструмент в данном случае был подсказан мне одной историей, прочитанной в одном популярном журнальчике много лет назад. Кто-то входит в помещение в накладными бакенбардами, а кто-то другой затем использует бакенбарды, чтобы выйти. У меня были свои бакенбарды...

Когда Одри вышел в коридор, нарик делал вид, что рассматривает табличку на соседней двери. Стрижка под ежик, солнцезащитные очки, костюм синего цвета.

– Чем могу быть вам полезен, мистер?

И когда нарик стал поворачиваться в его сторону, Одри выхватил пистолет и спокойно произнес:

– Руки вверх.

Всего одного слово, произнесенное бесстрастным голосом, но произнесенное так, что оно любому проникло бы в самое нутро. Медленным ошупывающим жестом он провел пистолетом

²⁴ Фантастический зверек, придуманный Берроузом.

по животу нарика. Облизал губы и задрожал. Лихорадка убийцы, вот как такое называется. От него исходил запах свежей крови. Лихорадка убийцы, и нарик это хорошо понимал. Он и не собирался спорить.

– Руки за голову... Вот так. – Одри подкрепляет команды взмахом пистолета.

Диб открывает дверь. У него в руке тоже пистолет.

– Садись там. Теперь расстегни куртку... просунь туда руку... медленно... двумя пальцами, извлеки оттуда пистолет и брось его на кровать.

Нарик послушно выполнил его приказания.

– Теперь бумажник с бляхой внутри.

Нарик вновь повиновался.

– Теперь встань.

Диб ударил его по лицу. После чего я засадил ему так, что он отключился минимум на двенадцать часов. Я надел темные очки и встал перед тусклым зеркалом шкафа. Все было настолько идеально, что даже испугало меня. И Диб был идеален в качестве моего спутника-итальянца, делающего покупки. «Ахеарн и Барраззини»... В бумажнике лежал бланк ордера на обыск. Я заполнил его. Мы вышли, повесив на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ».

Вот и дверь. Я позвонил. Условленным звонком, которым звонил торговец наркотой. Три длинных, два коротких, один длинный. Ни единого звука внутри. Дверь очень толстая. Но вот она приоткрылась на длину цепочки в шесть дюймов, и выглянула Хелен... Холодные серые глаза, волосы, покрашенные в черный цвет. Как будто открылась дверь большого рефрижератора. Я показал ей золотую бляху. Рефрижератор сделался еще холоднее.

– У вас есть ордер?

Я протянул ей ордер.

Она взглянула на него. Затем отсоединила цепочку. Хелен совсем не была напугана. Ван, конечно же, не станет держать наркоту дома. Да и совсем не наркоту я собирался там искать. Войдя в квартиру, я дважды выстрелил Хелен в шею, испачкав стену у нее за спиной кусочками позвонков. Затем проследовал по коридору в кабинет Вана. Увидев меня, он позеленел. У Вана были узкие плечи и широкие бедра, череп покрыт жидкими зеленоватыми волосками, а физиономия отличалась искусственным розоватым оттенком – результат систематических инъекций Сока Времени. Я выстрелил ему в голову.

Теперь мы принялись искать то, за чем пришли. Оно должно было находиться в стенном сейфе. Инструменты были у нас с собой. Вся работа заняла тридцать секунд. За окном раздались сирены. Значит, в квартире есть сигнализация.

Выходим через задний ход, ловим такси до аэропорта. Нужно придумать новый способ угона самолетов. В те времена это было несложно, но сейчас все пути перекрыты. Можно напороться на металлодетекторы, охрану и на многое другое. Да, мы именно там, где я и предполагал – в аэропорту 1970 года. И в данный момент мы ученики-подготовишки на каникулах.

В баре я замечаю Дэйви Джонса и Карла. Бармен не желает нас обслуживать, и мы устраиваем небольшую заварушку, чтобы убедиться, что Карл с Джонсом поддержат нас и достанут билеты на тот же рейс. Рейс 895 на Детройт, отлет через сорок пять минут. В туалете мы делаем себе укол «Супер П». Это средство наделяет сверхчеловеческими возможностями и ловкостью на срок в шесть часов. Я чувствую, как оно пульсирует во мне до звона в ушах. Я знаю, что теперь при желании могу без труда кулаком пробить стенку соседней кабинки в сортире. И меня мгновенно осеняет, каким образом можно пронести оружие на самолет: пусть охранники сами пронесут его для нас и вынесут, когда мы будем готовы.

В зале ожидания мы замечаем пожилую пару, ожидающую нашего рейса, с большими хозяйственными сумками, полными кокосов и чучел аллигаторов. Мы бросаем к ним в сумку оружие. Это позволит нам узнать переодетых охранников.

Мы проходим через контроль без всяких проблем, но как только к нему приближается пожилая парочка, от оглушительного звона содрогаются стены аэропорта. Когда их хватают, они начинают возмущенно вопить; охранники, взглянув на них, мгновенно понимают, что оружие им скорее всего подбросили, и продолжают поиски. Мы опаздываем на полчаса. Но теперь мы знаем, кто они и где сидят.

За полчаса до Детройта Диб и ваш рассказчик начинают продвигаться по проходу к туалету. Сильный удар газа охранникам в живот, и они вырубаются, не поняв, что же произошло. Мы захватываем оружие. Таким образом получается еще двое с четырьмя стволами и если еще добавить действие «Супер П», можно без преувеличения говорить о захвате самолета. Мы приковали охранников наручниками к сиденьям, а Дэйви Джонсу доверили контроль пассажиров.

Капитан Кук обернулся и увидел пистолет в руке Одри и перепуганное лицо стюардессы.

– О господи, только не это, ведь есть же более простые способы зарабатывать себе на хлеб насущный.

– На сей раз все будет немножко по-другому. Сообщите Детройту, что у вас проблемы. Ни слова о захвате самолета, понял? Стволу, что у меня в руках, такое может не понравиться.

– Двойное Эхо вызывает Модель Т... ответьте, пожалуйста.

– Модель Т Двойному Эху... Заходите на посадку.

– У нас тут, кажется, проблемы.

– Познакомьтесь с вашим новым штурманом... – Одри показывает пальцем на Карла.

Карл тычет пальцем на карту.

– Нам нужно вот сюда.

– Я же вам говорил, что на сей раз все будет немножко по-другому...

– Без дозаправки невозможно...

– Тогда доставьте нас как можно ближе.

Капитан пожимает плечами.

– Мы рады вам услужить.

– Отлично. Мы тоже будем рады услужить вам. На расстоянии часа лету от Детройта мы попали в хвост урагану.

– Господь Бог – наш второй пилот... теперь у нас все получится.

– Вы когда-нибудь слышали об обледенении?

– Попробуй установить радиосвязь, Карл.

– Телепорт вызывает Фриско... отзовитесь, пожалуйста... – Потрескивание в радиии, слабый прерывающийся голос...

– Фриско Телепорту... говорите...

– Летим к цели... час задержки... обледенение...

– Вас поняли... дальность четыреста...

– Наверное, сумеем...

– Мы садимся прямо сейчас...

– Не сходите с курса... Впереди ничего, кроме снега...

– Видимость нулевая.

Они сидели, наблюдая затем, как падает стрелка высотомера... 300... 200... резкая потеря высоты... 50... касание земли... долгое тошнотворное скольжение... удар... остановка. Самолет на боку, одно крыло оторвалось...

– Определяем местоположение... наверное осталось достаточно горючего для выполнения «подушки».

Пятнадцать минут спустя двухмоторный легкий самолет приземлился. Назад на базу... за оборудованием для телепортации.

Оборудование по телепортации и экстериоризации может изготовить любой мальчишка-механик у себя в мастерской в подвале. В качестве руководства можно использовать книгу «Избранные произведения Вильгельма Райха. Путешествия за пределами тела» Роберта Э. Монро. В основе своей все оборудование сводится к намагниченному металлу с органическим материалом. Простейшее устройство, подходящее для такого рода путешествий во втором теле, по словам Монро – это продолговатый ящик, обитый намагниченным железом. В нем имеется шесть плоскостей, четыре стороны, верх и низ. Все организуется таким образом, что некоторые из магнитных полей притягивают, а другие отталкивают. Например, входная и задняя часть отталкивают, правая и левая стороны притягивают, верх и низ отталкивают. Описание, которое дает Монро циклу вибраций, проходящих по телу, подразумевает более сложную модель с движущимися частями. К примеру, цилиндр, состоящий из серии дисков, поочередно отталкивающих и притягивающих, который может вращаться в различных направлениях. Данная модель подходит для собственно телепортации в отличие от экстериоризации. Человек находится в центре цилиндра и управляет вращением с помощью переключателя. Полезны также и модели с наклоном. Однако в таком деле, как телепортация, я бы посоветовал вам, ребята, надежно держаться на ногах.

Одри начинает медленно, затем постепенно увеличивает скорость. Он чувствует приятный металлический вкус во рту, эрекцию, за которой следует ощущение плоти, в резком порыве отделяющейся от костей, что сопровождается не слишком сильной зубной болью. Затем возникают образы... он стоит на столовой горе Лос-Аламоса, а ветер сдувает его с горы вместе с осенними листьями. Он оглядывается и видит на горе нескольких ребят, сидящих в вигвамах... Он идет навстречу ветру и хватает одного из ребят в тот момент, когда тот начинает падать, как дух, похожий на маленькую пчелку из «Дьявола и Дэниела Вебстера».

И вот он стоит на железном балконе. На расстоянии тысячи футов под ним город с красно-кирпичными домами, голубыми каналами и железными дорогами. Рядом с ним на балконе Дэйви Джонс. Они прыгают вместе и приземляются на шоссе в Лос-Анджелесе. В бунгало идет жуткая оргия под звуки напева:

Совсем не грех,
Плоть отбросив для новых утех,
Войти в хоровод скелетов...

Танцуют обнаженные люди, они кружатся и плоть слетает с них клочьями...

Когда ты слышишь джаза звук
И тихий стон флажолетов,
Совсем не грех,
Плоть отбросив для новых утех,
Войти в хоровод скелетов...

Все быстрее круг за кругом

Отец показывает ему Бетельгейзе на ночном небе, и он вылетает в открытый космос за дрожащую Медведицу... Скала над городом Лима... он парит над пляжем, где голые мальчишки с розовыми гениталиями смеются над ним... блеск солнца на воде, пальмы, тихий приглушенный голос школьника...

– Конец не на Южном бульваре на Сияющем полуострове.

Он лежит на берегу, пытаясь отдышаться. Дейви Джонс рядом с ним. Антильские острова, 1845 год... Он оглядывается по сторонам. Остальные ребята тоже здесь. Слабые и истощенные, они едва могут двигаться. Кто-то подносит ему ко рту кокос, и он жадно пьет молоко. И вот он уже лежит на носилках... отдаленный запах блевотины, больничная палата...

Неделю спустя ребята уже вновь здоровы, лежат на пляже в островном раю...

– Я же говорю, что надо просто пересидеть.

– Верно, зачем высовываться?

Старый Сержант:

– Вы, ребяташки, напоминаете мне старого еврея из одного еврейского анекдота... Тонет корабль, и стюард стучится в дверь его каюты. «Мистер Соломон... Корабль тонет». «А какое нам дело, он ведь не нам принадлежит». А теперь посмотрите, вы находитесь в прошлом. Вы видите, что эта линия ведет в настоящее?

– Но сержант, мы же меняем весь ход истории. Настоящее может не наступить.

– У них пока еще достаточно атомных бомб в настоящем, чтобы взорвать нас в прошлом. У них в запасе еще есть столетие, даже если мы убьем Эйнштейна в колыбели до того, как он успеет вытащить Моисея из камышей...

**Я работал на железной дороге.
Каждый день длиною в жизнь**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.